

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

АКСИОСФЕРА «СОРТАВАЛЬСКОГО ЦИКЛА» Б. АХМАДУЛИНОЙ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются аксиологические доминанты стихотворений Б. Ахмадулиной, написанных летом 1985 года в Карелии, предложен подход к их анализу, учитывающий своеобразие позднего творчества поэтессы. Особого внимания заслуживают авторские стратегии в области выражения системы ценностей, своего рода «поэтика умолчаний», когда о важных для лирической героини ценностях (этических, эстетических, религиозных) говорится не прямо, а метафорически и перифрастически. Среди поэтических приемов, которые приоткрывают для читателя аксиосферу этих стихотворений, – использование поэтических топосов и повторов, указывающих на их особую значимость в картине мира поэта. В числе таких топосов – часто встречающиеся противопоставления своего и чужого, верха и низа, света и тьмы, образ сада (восходящий к Эдему) и образ монастырского острова Валаама, а также имена, представляющие русскую и мировую культуру, – Державин, Пушкин, Блок, Набоков, Менделеев, Врубель, Ибсен и др. Нетривиальность поэтического языка дополняет и отчасти маскирует ценностный консерватизм поздней Ахмадулиной, опирающейся на христианский канон и традицию русской поэзии XIX – начала XX века. Стилистически ярко выраженный принцип затрудненной формы помогает поэтессе, возвращаясь к традиционным ценностям русской культуры, не быть стереотипной, уравнивать *locus communis* высокой степенью самобытности поэтического текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лирика, поэтика, северный текст, ценностный анализ, Карелия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шилова Н. Л. Аксиосфера «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1339

ВВЕДЕНИЕ

«Сортавальский цикл» – стихотворения, написанные Б. Ахмадулиной во время поездки в Сортавалу в июне 1985 года – уже несколько раз привлекал внимание исследователей и как самостоятельная художественная общность, и как часть книги стихов «Сад» (1987), в которую вошли большинство написанных Ахмадулиной в Карелии поэтических текстов (девятнадцать из двадцати, с отступлением от хронологического порядка и без указания даты и места¹; дата, место и хронологический порядок воспроизведены в более позднем издании²). Во всех случаях эти стихотворения изучались преимущественно с точки зрения поэтики времени и пространства [1], [7], семантики отдельных образов [11], [12], [13], но не в аксиологическом ключе, хотя исследователи попутно уделяли внимание эстетическим и мировоззренческим вопросам, неразрывно связанным

с аксиологическими координатами творчества поэтессы.

Систематическое освоение ценностных ориентиров поэтического наследия Ахмадулиной, как нам представляется, оставалось на периферии внимания из-за долгое время доминировавшего в отечественном литературоведении преимущественного интереса к формальной стороне поэзии и ее многочисленным интертекстуальным связям (хотя и в этих аспектах наследие поэтессы исследовано пока непропорционально мало, как и в целом поэзия поколения шестидесятников). Аксиологический подход в литературоведении вызывал всегда много дискуссий, а иногда и открыто скептическое отношение, порой даже понимался «как субъективнооценочный, не опирающийся на анализ» [9: 130]. В результате ценностная парадигма поэзии оставалась если не за пределами, то на обочине научного обсуждения, вытесняемая в лучшем случае

в поле литературной критики, вопреки самой природе искусства, транслирующего (правда, не всегда прямо) те или иные ценности автора, эпохи, культуры и т. п. С середины 1990-х годов в отечественной науке, впрочем, интерес к изучению аксиосферы русской литературы заметно активизировался [3], [4], [5], [8], хотя методологические подходы в этом поле порой существенно разнятся и дискуссия не окончена [9: 132–133].

«ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЙ» Б. АХМАДУЛИНОЙ И ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ «СОРТАВАЛЬСКОГО ЦИКЛА»

Изучение ценностных ориентиров поздней лирики Ахмадулиной затруднено еще и некоторыми особенностями авторской художественной стратегии, особенно в последний период творчества. Эта стратегия не только опирается на традиции высокой классики XIX столетия, отсылки к которой в «сортавальском цикле» довольно много, но и обращена к опыту модернистской лирики Серебряного века. Среди таких особенностей – неоднократно отмеченная исследователями перифрастичность и метафоричность стиля [1: 88], «с помощью которых создается эффект “отстраненности” при созерцании какого-либо объекта»³, а также то, что можно было бы назвать «поэтикой умолчаний». Эта «поэтика умолчаний», кстати, отрефлексирована в «сортавальском цикле» самой поэтессой:

«Не признавайся, соловей,
не растолковывай, мой дальний,
в чём смысл страдальческой твоей
нескладницы исповедальной.

Пусть всяко понимает всяк
слов и пауз двуединость,
утайки маленькой пустяк –
заветной тайны нелюдимость» (с. 249).

Отмечать в этих стихотворениях слова с прямым оценочным или ценностным значением порой сложно. При поверхностном прочтении может показаться, что их здесь мало, что «сортавальский цикл» – это отстраненные северные пейзажи и книжные реминисценции, сфокусированные на природных образах Севера с изысканными и подчеркнута формализованными фонетическими инструментами:

«Лапландских летних льдов недалняя граница.
Хлад Ладоги глубок, и плавлен ход лады.
Ладони ландыш дан и в ладанке хранится.
И ладен строй души, отверстой для любви» (с. 227).

Ситуация осложняется и многочисленными тропеическими смещениями, когда ключевые для цикла и часто ценностно отмеченные слова

появляются не в ожидаемых контекстах, а в неожиданных местах. Например:

«Красе цветка отечественна здравость
темнот застойных и прохладных влаг.
Он полюбил чужбины второзданность...» (с. 241)

Это строки из стихотворения о цветах Приладожья. Речь идет о том, что цветок ириса прижился на чужой земле, освоился. Эта яркая и прихотливая метафорика между тем вводит слова «отечество» и «чужбина», мало того, что обыгрывающие цитату из любимого Ахмадулиной Пушкина («нам целый мир – чужбина, Отечество нам Царское село»), но и отсылающие к теме своего и чужого, магистральной для «сортавальского цикла», написанного на границе русского и скандинавского миров. То же и в другом стихотворении:

«Округла полночь. Всё свежо, всё внове.
Я из чужбины общей ужоу
и возвращаюсь в отчее, в ночное, ночное – что?
В ночное – что хочу» (с. 223).

И здесь «чужое» и «отчее», но речь и на этот раз идет не об общественных вопросах, не о границах стран и культур, а об интровертном погружении лирической героини в ночные поэтические труды. При этом само слово «отчее» становится важной частью тезауруса сортавальских стихотворений, маркируя особое внимание автора к теме происхождения, корней, традиции, выраженное, впрочем, очень деликатно, не «в лоб». Аксиосфера этих текстов строится на принципе повторяющихся не прямых указаний на значимые для лирической героини явления, а не на раскрытии или комментировании понятий или риторике прямого призыва к читателю эти ценности разделить. Перформативность поэтического текста здесь доминирует над его информативностью и публицистичностью.

Среди поэтических приемов, которые не скрывают, а, наоборот, открывают для читателя аксиосферу лирической героини (она представляется предельно близкой в сортавальских стихотворениях их автору), – использование ряда поэтических топосов и их повторы, указывающие на особую значимость этих образов в картине мира поэта. В числе таких топосов – часто встречающиеся противопоставления верха и низа, света и тьмы, образ сада (восходящий к Эдему) и образ монастырского острова Валаама. Большинство этих топосов, особенно первые в ряду, кодировали аксиосферу русской литературы задолго до появления «сортавальского цикла». Чуть позже в русскую литературу входит образ Валаама. В стихотворениях цикла они встречаются

и по отдельности, но часто соседствуют. Мотив подъема (верх – низ) и образ Валаама находим, например, в следующих строках:

«Наверху возлежит триумфальный валун.
Без оглядки взошла, но меня волновало,
что на трудность подъема уходит весь ум,
оглянулась: сиял Белый скит Валаама» (с. 209).

Или в другом стихотворении:

«Не то, чтоб я забыла что-нибудь, –
я из людей, и больно мне людское,
– но одинокий мной проторен путь:
взойти на высший камень и вздохнуть
и всё смотреть на озеро морское».

В финале его тоже появится упоминание монастырского острова:

«Я думаю: вернуться ль в род людей,
остаться ль здесь, где я не виновата
иль прощена? Мне виден ход ладей
пред-ладожский и – дальше и левей –
нет, в этот миг не видно Валаама» (с. 213).

Всего в двадцати стихотворениях цикла Валаам упоминается шесть раз. Он показан Ахмадулиной как монастырский остров. Это существенно, поскольку в советском искусстве 1960–1970-х годов такое видение не являлось определяющим. Так, в пейзажных стихотворениях и на гравюрах А. Авдышева Валаам предстает как чисто природный феномен, вне всякой видимой связи с историей монастыря – в фокусе внимания сосны и скалы, монастырь не упоминается, христианские символы отсутствуют⁴.

Свет – еще один предмет поэтического исследования лирической героини, оказавшейся в ситуации белой ночи. Оппозиция свет – тьма может выступать, часто одновременно, и в значении природных явлений, и как метафора добра и зла, знания и невежества и т. п.:

«На любованье маленьким оттенком
уходит час. Светло, но не рассвет.
Сверяю свет и слово – так аптекарь
то на весы глядит, то на рецепт» (с. 206).

«В жемчужной раковине ночи,
в ее прозрачной свето-тьме
не знаю я сторонней нови,
ее гонец не вхож ко мне» (с. 217).

Тема света и тьмы в прямом и символических значениях этих образов находит свое детализированное решение в стихотворении «Вся тьма – в отсутствии, в опале. . .», финал которого переводит бытовую неурядицу, отключение электричества, в философский диалог поэтессы и электрика, каждый из участников которого работает со своей версией «света» – в прямом или метафорическом смысле:

«Электрик, загулявший на ночь,
сурово смотрит на зарю
и говорит: “Всё сочиняешь?” –
“Всё починаешь?” – говорю.

Всяк о своем печётся свете
и возгорается, смеясь,
залатанной электросети
с вот этими стихами связь» (с. 226).

Мотив света неотделим здесь от обсуждения ценности творчества, дела, служения.

Образ монастырского сада – еще один из ряда топосов, связывающих образность сортாவальских стихотворений Ахмадулиной с аксиологической традицией русской словесности. Флористические мотивы буквально наполняют «сортாவальский цикл»:

«Фиалки, водосбор, люпин,
качанье перьев, бархат мантий.
Но ирис боле всех любим:
он – средоточье черных магий» (с. 247).

Июньская Карелия показана как царство черемухи, фиалок и сирени, и это цветочное буйство – не самая распространенная в лирике репрезентация карельского ландшафта [10: 215–216]. Неудивительно, что сортாவальские стихотворения органично вошли в книгу «Сад». В максимально сфокусированном виде образ монастырского сада появляется в пятнадцатом по счету стихотворении и сразу отсылает к христианской традиции и образам монашеской жизни:

«Тьмам цветений назначил собор Валаам.
Был ли молод монах, чье деянье сохранно?
Тосковал ли, когда насаждал-поливал
очертания нерукотворного храма?» (с. 235)

Это пространное в шестьдесят восемь строк стихотворение о монастырской сирени, посаженной давно и сохранившейся сквозь века до приезда на остров героини. Сам образ монастырского сада меньше всего нуждается, наверное, в комментариях, он прозрачен и отсылает к устойчивой образности христианской литературы, к *hortus conclusus*. Монастырский сад Валаама в этом стихотворении существует в напряженном конфликтном мире, сад то и дело подвергается опасностям, но находит в себе силы выживать в самые сложные времена:

«Наплывали разбой и разор по волнам.
Тем вольней принималась сирень разрастаться.
В облаченье лиловом вставал Валаам,
и смотрело растенье в глаза святотатца» (с. 236).

Финальное четверостишие о таинственном садовнике, охраняющем у себя монастырскую сирень в эпоху, явно современную написанию

цикла, то есть советскую и официально атеистическую, в буквальном смысле рифмует сирень и смирение, и это тот редкий случай, когда аксиологически отмеченное слово не спрятано, а сказано явно и помещено в сильную позицию – конец текста:

«Был забыт и прощён ее скромный герой:
ответ острова сердце склоняет к смирению.
От свершений мирских упасаем горой,
пусть сидит со своей монастырской сиренью» (с. 236).

Последние строки Т. Алешка относит, может быть, и не совсем точно фактически, но в сущности очень пронизательно, к позиции не персонажа – таинственного садовника, а лирической героини цикла, тождественной позиции самой Ахмадулиной, предполагая, что поэтесса так «сравнивает свое уединение с монашеством, заточением» [2: 50], и отмечая: «Лирическая героиня Ахмадулиной добровольно выбирает бездомность, аскетизм, “устав монастыря”, чтобы ничто не отвлекало от главного в жизни – поэзии» [2: 49].

Тема христианских ценностей не единственная в «сорттавальском цикле». Но образ монастырского сада – один из ключевых. Помимо стихотворения, прямо сфокусированного на истории монастырской сирени, рассредоточенно этот образ присутствует как частым упоминанием цветов, так и не менее частым использованием лексики, восходящей к христианским сюжетам и практикам. Особенности поэтики Ахмадулиной, о которых было сказано в начале статьи, тот принцип затрудненной формы, который определяет эту поэтику, особенно когда речь заходит о системе ценностей хрупкой и интровертной лирической героини, ведут к тому, что статус христианских мотивов в «сорттавальском цикле» оказывается дискуссионным для разных исследователей. И если Т. Алешка включает эти поэтические тексты в свой анализ религиозных тем в позднем творчестве Ахмадулиной [2: 48–50], то М. Михайлова считает, что

«христианский пласт ахмадулинского сада едва выявляется, в нем еще нет места Богу, библейские мотивы добавятся к языческим и станут структурообразующими позже в 90-х гг., в ЛК (лирической книге. – Н. Ш.) “Возле елки”» [7: 193].

С последним утверждением не позволяют согласиться многие строки сорттавальских стихотворений, тезаурус которых прямо отсылает к христианской традиции, даже когда эта лексика отнесена к природным явлениям: о птице сказано «стенает какой-то пернатый отшельник» (с. 209), о ночной бабочке – «Всё отгоняю крылья херувима // от маленького ада ночника» (с. 222), о се-

верном пейзаже – «Средь схемы световой – такая сила схимы // в зрачке, что сил других не остается мне. // Лицо и речь – души неодолимый подвиг // В окладе хладных вод сияет день молодой» (с. 228).

Возможно, большой объем книги «Сад» заслонил от исследовательницы некоторые важные детали, хорошо заметные именно в компактном «сорттавальском цикле». Так, анализируя флористические мотивы «Сада», М. Михайлова уделяет преимущественное внимание семантике образа черемухи как наиболее репрезентативного для Ахмадулиной [7: 194–197] и лишь в одном абзаце коротко отмечает возможное значение образа сирени, противопоставляя ее черемухе:

«Сирень также связана с творчеством, но в отличие от черемухи, маскирующей “свое” пространство, явно принадлежит к пространству “чужому”, имеет отношение к чужому мифотворчеству, к скандинавской мифологии, к эпосу Калевалы – к пространству мифа и культуры» [7: 197].

Между тем семантика образа сирени у Ахмадулиной может быть осмыслена и в связи с христианской темой. Во-первых, сирень – значимый элемент ландшафта Валаама. Старинные сирени действительно сохранились в монастырском саду до наших дней. В каталоге сортов русской сирени есть даже сорт с названием «Валаам»⁵. И тогда то движение от черемухи к сирени, которое обозначено в начале стихотворения о монастырском саду –

«Лишь июнь сорттавальские воды согрел –
поселения опальных черемух сгорели.
Предстояла сирень, и сильней и скорей,
чем сирень, расцвело обожанье к сирени» (с. 235),

может быть прочитано как движение не к скандинавскому мифу, но к христианской традиции, которым отмечено пребывание лирической героини у стен монастыря. Кроме того, «обожанье к сирени» заставляет вспомнить о Пастернаке, чье влияние на становление и самоопределение поэтессы подробно освещено в работе Т. Алешки [2: 91–99] и не вызывает сомнений у других исследователей творчества Ахмадулиной. Сирень часто встречается у Пастернака и может быть названа «акцентированным образом его поэтического мира» [6: 107]. А поэтический мир Пастернака – несомненно одна из нитей, связывающих Ахмадулину с все той же христианской традицией русской литературы. Пушкин и Пастернак заставляют поэтессу с конца 1970-х годов все более глубоко погружаться в исследование христианской темы, что накладывает свой отпечаток на аксиосферу ее поздней лирики.

В сортавальских стихотворениях подняты и другие важные для Ахмадулиной темы – тайны бытия, тайны творчества, любви к человеку, преемственности культуры. Почти в каждом стихотворении автор возвращается к темам познания и творчества, которые коррелируют с религиозной картиной мира, но не ограничиваются и не исчерпываются ею. Напряженные философские медитации лирической героини, оказавшейся на границе миров – в прямом смысле, русского и скандинавского, в то же время связаны с ее ценностным самоопределением. Выражением аксиологических координат автора в этих текстах становятся кроме уже рассмотренных топосов имена представителей русской и зарубежной культуры – Державина, Пушкина, Блока, Набокова, Менделеева, Врубеля, Ибсена и др. Целая интеллектуальная вселенная! Так утверждается творчество как высшая ценность бытия.

В этих философских по своему характеру стихотворениях между эстетической и аксиологической проблематикой нет конфликта или соперничества: христианские ценности для героини цикла интегрированы в самую сущность поэтической традиции, имманентны ей:

«Вся тьма – в отсутствии, в опале,
да несподручно без огня.
Пишу, читаю – но лампы
нет у людей, нет у меня» (с. 224).

Лампада здесь и часть церковной утвари, и отсылка к пушкинской формуле белой ночи – «пишу, читаю без лампы», и еще одна вариация мотива света как метафоры блага, разнообразно представленного в сортавальских стихотворениях.

В сортавальском уединении поэтесса как будто находит ту точку, в которой эстетическое и религиозное переживания, поэзия и молитва едины вне смущающей работы разделяющего всё и вся рассудка:

«О чём уста ночных молитв
так воздыхают и пекутся?
Сперва пульсирует мотив
как бы в предсердии искусства» (с. 248).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим высокую аксиологическую активность «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной. Обусловлено это качество фокусом

внимания автора на экзистенциальных вопросах, постоянном мысленном движении от быта к бытию. Свое влияние здесь оказали и общая динамика творчества Ахмадулиной 1980-х годов, и место создания стихотворений – Север, и близость к Валааму, который воспринимается автором в контексте религиозной традиции, не только чисто эстетически. Аксиосферу «сортавальского цикла» формируют, как следствие, главным образом те традиционные ценности русской культуры, которые соотносимы с христианской картиной мира, но не ограничены ею. Они находят свое формальное выражение в сортавальских стихотворениях в первую очередь через топосы «верх – низ», «свет – тьма», «сад», «монастырь», «книга», а также обращение к целому ряду значимых для автора / лирической героини имен Державина, Пушкина, Блока, Набокова, Менделеева, Врубеля, Ибсена и др. Одновременно этот ценностный традиционализм уравновешен или, возможно, даже где-то закамуфлирован выразительными поэтическими новациями в области поэтики и стилистики – тропов, особенностей словоупотребления и т. п. Система повторов при этом надежно фиксирует ключевые образы и мотивы, помогающие читателю понять замысел автора, не пропустить главное.

Благодаря описанным выше особенностям поэтики и стилистики цикла его аксиосфера получает не прямое выражение, которое неминуемо привело бы лирику Ахмадулиной к публицистическому звучанию, чего автор явно старается избежать, но полужанровое и в то же время полускрытое, открывающееся вполне только при внимательном и вдумчивом чтении. Уклончивость высказывания продолжает общую камерность этих стихотворений, гармонирует с интровертностью лирической героини, затворившейся от мира для творчества и размышлений. Принцип затрудненной формы помогает поэтессе, кроме того, возвращаясь к традиционным ценностям русской культуры, не быть стереотипной. Исследование топосов культуры осуществляется здесь не просто учитыванием или осмыслением, а путем их глубоко личного проживания, и это позволяет поэтической речи Ахмадулиной уравновешивать *locus communis* высокой степенью самобытности поэтического текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахмадулина Б. Сад. М.: Сов. писатель, 1987. 160 с.

² Ахмадулина Б. А. Сочинения: В 3 т. М.: ПАН Корона-Принт, 1997. Т. 2: Стихотворения 1980–1996. 640 с. Далее в статье поэтические тексты Б. А. Ахмадулиной цитируются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

- ³ Афанасенкова Е. Н. Особенности творческой манеры Б. А. Ахмадулиной (поэзия, проза): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 17.
- ⁴ Авдышев А. И. Красные снега. Стихи. Гравюры. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 54–55.
- ⁵ Аладина О., Полякова Т. Русская сирень // Садовник. 2017. № 4. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б а ш е в В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08
2. А л е ш к а Т. И. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск: РИВШ БГУ, 2001. 124 с.
3. Е с а у л о в И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 1. С. 378–383.
4. Е с и н А. Б. О ценностной системе А. Т. Твардовского («Василий Теркин») // Русская словесность. 1995. № 5. С. 34–38.
5. Е с и н А. Б. О чеховской системе ценностей // Русская словесность. 1994. № 6. С. 3–8.
6. Л а в р е н т ь е в а Н. В. Образ сирени в творчестве Б. Л. Пастернака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): В 2 ч. Ч. 2. С. 107–110.
7. М и х а й л о в а М. С. Концепт сада и метафора «цветочного» времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.
8. П о п о в а Е. В. Критерий «ценность» в литературоведческих исследованиях // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 37–40.
9. Ф и л а т о в А. В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 130–140. DOI: 10.17223/18137083/69/11
10. Ш и л о в а Н. Л. Образ сада в поэтических текстах о Карелии: к постановке вопроса // Творчество А. А. Фета в контексте русской и мировой культурной традиции: Материалы Междунар. науч. конф. Курск, 2024. С. 215–223.
11. Ш и л о в а Н. Л., Ю г а л о в а С. Р. Образ белой ночи в стихотворениях «сортавальского цикла» Б. Ахмадулиной // Таврические филологические чтения: Материалы III Всерос. науч. конф. (Мелитополь, 31 марта 2025 г.). Мелитополь, 2025. С. 241–245 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82669702&pff=1> (дата обращения 12.12.2025).
12. Я ш и н а К. И. «И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 4 (16). С. 94–100. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.049
13. Я ш и н а К. И. Локальные тексты в творчестве Беллы Ахмадулиной: Дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2021. 203 с.

Поступила в редакцию 17.12.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

AXIOSPHERE OF THE “SORTAVALA CYCLE” BY BELLA AKHMADULINA

Abstract. The article examines the axiological dominants of Bella Akhmadulina’s poems written in the summer of 1985 in Karelia, and proposes an approach of their analysis that takes into account the uniqueness of the poetess’s late work. The study specifically focuses on the author’s strategies in the area of expressing the system of values, which could be described as “poetics of silence”, when the values important to the lyrical heroine (ethical, aesthetic or religious) are not mentioned directly, but expressed metaphorically and periphrastically. The poetic devices that reveal the axiosphere of these poems to the reader include the use of poetic topoi and repetitions, indicating their special significance in the poet’s worldview. Among such topoi are the oppositions of one’s own and alien, top and bottom, light and darkness, the image of a garden (going back to the garden of Eden) and the image of the monastery island of Valaam, as well as names representing Russian and world culture – Derzhavin, Pushkin, Blok, Nabokov, Mendeleev, Vrubel, Ibsen, etc. The non-triviality of the poetic language complements and partly masks the value conservatism of Akhmadulina’s later poetry, which relies on the Christian canon and the tradition of Russian poetry of the XIX and early XX centuries. The stylistically clearly expressed principle of the complicated form helps the poetess return to the traditional values of Russian culture without being stereotypical and to balance *locus communis* with a high degree of the poetic text originality.

Key words: lyric poetry, poetics, northern text, value analysis, Karelia

For citation: Shilova, N. L. Axioshere of the “Sortavala cycle” by Bella Akhmadulina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1339

REFERENCES

1. Abashev, V. V. The will of space and the flow of verse. On Akhmadulina’s poetics of the 1980s (based on her books “The Mystery” and “The Garden”). *Philological Class*. 2020;25(1):86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08 (In Russ.)
2. Aleshka, T. I. Poetry of Bella Akhmadulina in the context of the traditions of Russian poetry. Minsk, 2001. 124 p. (In Russ.)
3. Esaulov, I. A. Literary axiology: the experience of substantiating the concept. *The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre*. (V. N. Zakharov, Ed.). Petrozavodsk, 1994. Issue 1. P. 378–383. (In Russ.)
4. Yesin, A. B. On the value system of A. T. Tvardovsky (“Vasily Terkin”). *Russkaya slovesnost*. 1995;5:34–38. (In Russ.)
5. Yesin, A. B. On Chekhov’s system of values. *Russkaya slovesnost*. 1994;6:3–8. (In Russ.)
6. Lavrentyeva, N. V. The image of lilac in the creativity of B. L. Pasternak. *Philology. Theory & Practice*. 2014;6(36-2):107–110. (In Russ.)
7. Mikhailova, M. S. The concept of a garden and the metaphor of “flower” time in Bella Akhmadulina’s book *The Garden*. *Kultura i tekst*. 2005;8:192–197. (In Russ.)
8. Popova, E. V. The criterion of “value” in literary studies. *Russian literature of the XX–XXI centuries: problems of theory and methodology of study: Proceedings of the third international research conference*. Moscow, 2008. P. 37–40. (In Russ.)
9. Filatov, A. V. Axiology in literary criticism: main directions of value analysis. *Siberian Journal of Philology*. 2019;4:130–140. DOI: 10.17223/18137083/69/11 (In Russ.)
10. Shilova, N. L. The image of the garden in poetic texts about Karelia: formulating the research question. *Works of Afanasy Fet in the context of Russian and world cultural traditions: Proceedings of the international research conference*. Kursk, 2024. P. 215–223. (In Russ.)
11. Shilova, N. L., Yugalova, S. R. The image of the white night in the poems of the “Sortavala cycle” by Bella Akhmadulina. *Tauride Philological Readings: Proceedings of the III all-Russian research conference (Melitopol, 31 March 2025)*. Melitopol, 2025. P. 241–245. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82669702&pf=1> (accessed 12.12.2025). (In Russ.)
12. Yashina, K. I. “And fine is the structure of the soul, open for love”: the image of Karelia in the poems of Bella Akhmadulina. *Herald of Humanitarian Education*. 2019;4(16):94–100. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.049 (In Russ.)
13. Yashina, K. I. Local texts in the poetry of Bella Akhmadulina: Diss. Cand Sc. (Philology). Nizhniy Novgorod, 2021. 203 p. (In Russ.)

Received: 17 December 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026